

МЕТОДЫ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 911.3: 314.7

НОВЫЕ СЕЛЬСКИЕ ЖИТЕЛИ И ФОРМЫ ИХ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ВОСКРЕСЕНСКОМ ОКРУГЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

О.Д. Крутов¹, Н.К. Греля², А.А. Веприцкий³, Я.К. Куксин⁴, Г.А. Назаренко⁵, О.Е. Прусихин⁶,
П.А. Широкова⁷, Ю.Л. Крузе⁸, А.И. Алексеев⁹

^{1–7,9} Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет,
кафедра экономической и социальной географии России

⁸ Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, факультет архитектуры и дизайна,
кафедра культурологии

¹ Магистрант; e-mail: bigoleg911@yandex.ru

² Аспирант; e-mail: ngrelya.mkrgo@mail.ru

³ Магистрант; e-mail: evgeni777.78@mail.ru

⁴ Студент; e-mail: yaza.kuksin@gmail.com

⁵ Студент; e-mail: nga-02@mail.ru

⁶ Магистрант; e-mail: olegprus2000@mail.ru

⁷ Магистр урбанистики; e-mail: polina.a.shirokova@gmail.com

⁸ Доцент, канд. юр. наук; e-mail: julia.kruze@tm-service.oao

⁹ Проф., д-р геогр. наук; e-mail: alival@mail.ru

В данной статье рассматривается влияние новых сельских жителей (выходцев из Нижнего Новгорода и Москвы) на полупериферийный округ Нечерноземья, трансформация его хозяйства и социума в связи с замещением населения. Также рассматриваются вопросы, связанные с территориальной неоднородностью влияния новых сельских жителей. Полигон исследования – Воскресенский округ Нижегородской области – находится в 145 км к северу от Нижнего Новгорода. Наличие уникальных природных и символических ресурсов (озера Светлояр и реки Ветлуги) привлекает сюда мигрантов из крупных городов. Методы исследования: глубинные и экспертные интервью, фокус-группы, включенное наблюдение и стратегические сессии с местными жителями. В результате анализа полученных данных была проведена типология новых сельских жителей, каждый тип по-разному воздействует на окружающее пространство. Далее выявлены ключевые трансформации образа жизни, связанные с ними, – новые нетрадиционные виды сельского хозяйства, формирование досуга городского типа, развитие сельского туризма силами приезжих, полное замещение населения в наиболее привлекательных для горожан населенных пунктах, появление объединений приезжих, как территориальных, так и сообществ по интересам. Также выявлены ключевые социальные конфликты в среде приезжих и между приезжими и коренными жителями, которые ограничивают возможности развития территории.

Ключевые слова: дезурбанизация, резидентальная стратификация, постсоветские трансформации, сельская местность

DOI: 10.55959/MSU0579-9414.5.79.2.6

ВВЕДЕНИЕ

В постсоветской России в течение долгого периода преобладали миграции, направленные из сельской местности и малых городов в крупные города и миллионники [Между домом..., 2016]; их подавляющее влияние на систему расселения сохраняется и сейчас. Но параллельно действует и противоположная тенденция: переезд части горожан, пусть и несравнимо меньшей по объему, в сельскую местность. Согласно последним исследованиям геогра-

фов, пандемия COVID-19 «оказала значительное влияние на процессы обратной миграции и дезурбанизации, и “жизнь после города”, пожалуй, впервые приобрела зримые очертания» [Покровский и др., 2020]. Этот поток людей крайне неоднороден: он состоит из разнообразных участников этих сельско-городских перемещений, включая типичных «дауншифтеров», городских романтиков, предпринимателей, экологических мигрантов и т.д., в этой статье мы будем называть их новыми сельскими жителя-

ми – по меткому самоопределению одного из бывших горожан, опрошенных нами в Воскресенском округе Нижегородской области. В большинстве случаев новые сельские жители после переезда оказываются «на перепутье», образуя полужакрытое сообщество, отделенное от коренного населения иным мировоззрением («нас отличает образ жизни, любовь к глухим заборам и совершенный пиетет к институтам, что местные воспринимают с неодобрением»).

Одновременно принося с собой городские компетенции и привычки «вести дела», активные новые сельские жители становятся импульсом к развитию сельских территорий, участвуя в развитии сельской инфраструктуры и формировании местных сообществ, развивая нетипичными способами сельскохозяйственное производство и порой полностью замещая коренное население в отдельных населенных пунктах («тут, кроме нас, только два дома зимуют...»). Таким образом, эффекты от нахождения бывших горожан в сельской местности разнообразны и еще более диверсифицированы в зависимости от внутренней неоднородности группы новых сельских жителей.

Целью проведенного исследования стало обобщение информации о мотивациях и сфере деятельности, географии переезда и расселения новых сельских жителей на территории Воскресенского округа Нижегородской области, оценка характера и значимости их воздействия на нечерноземный полупериферийный округ.

Основным методом полевого исследования стали 35 глубинных интервью с представителями новых сельских жителей, местного сообщества и администрации Воскресенского округа в январе, феврале и июне 2023 г. Информационную базу исследования составили открытые статистические данные из БДМПО, а также информация, предоставленная администрацией Воскресенского округа. В качестве исследовательской стратегии использовалась модель «длинного стола» и включенного наблюдения в семьях новых сельских жителей, предложенная Т. Шаниным, адаптированная под вынужденную необходимость кратковременного проживания в отдельных селах.

Исследователи отмечают появление в 1970-х гг. новой стадии развития городских систем – дезурбанизации, связанной с обратной миграцией, переездом горожан в сельскую местность на постоянное место жительства [Berry, 1976]. Этот процесс не стоит путать с субурбанизацией, ростом пригородной зоны, поскольку, во-первых, он направлен в удаленные сельские районы, а во-вторых, сопровождается отрывом от городского образа жизни и переходом на сельскую модель взаимодействия

с пространством и распределения времени [Нефедова и др., 2015].

В СССР этот процесс был слабо представлен, однако отмечались некоторые точечные его проявления [Алексеев и др., 1979]. В России данный феномен был зафиксирован впервые в начале 1990-х гг., когда ухудшение социально-экономической ситуации вынудило часть горожан переехать в сельскую местность. Вместе с потоком возвратных мигрантов из республик бывшего Советского Союза это затормозило на некоторое время стягивание населения в города. В 2000-х гг. отток из глубинки вновь усилился, показав незавершенность урбанизации в России. Переселение в пригороды пока не достигло больших масштабов, в том числе из-за боязни горожан остаться без квартиры. Предпочтительной остается модель жизни на два дома: владение жильем в городе и сезонное пребывание на даче. Трудовые и рекреационные поездки определяют высокую степень пульсации населения в течение года, недели и суток [Нефедова и др., 2015].

В зависимости от удаленности и мотивов перемещения выделяют три типа дезурбанизации. Первый – «экс-урбанизация», которая направлена в ближайшую к городу зону, сопровождается сохранением тесных контактов с городом и нежеланием терять возможность пользования городскими благами. Второй – «подмена урбанизации», когда к переезду из города вынуждает ухудшение условий жизни, например повышение стоимости жилья, отсутствие работы и др. Третий – «антиурбанизация», ключевой характеристикой которой является сознательный отказ от городского комфорта. Именно этот тип дезурбанизации ассоциируется с дауншифтингом, представляющим собой альтернативный обществу потребления стиль жизни [Mitchell, 2004].

Термин «дауншифтинг» впервые ввел Дж. Селенти, руководитель Института по изучению трендов, расположенного в Нью-Йорке [Лисова, 2008]. Широко он стал использоваться в 1990-е гг. после публикации статьи С. Бан Бреатнах «Жизнь на пониженной передаче», описавшей принципы *simple living* – замедленного темпа жизни [Ильин, 2016].

В современной научной литературе тема дауншифтинга, в отличие от противоположного процесса – переезда из села в город, изучается не столь активно [Виноградская, 2019]. Наиболее подробно изучены причины, по которым горожане решаются на обратную миграцию. Д. Черир считал, что дауншифтинг вызван страхом перед экологическими проблемами и попыткой сбежать от них в безопасное место, которым может стать существующая деревня или новые форматы проживания, такие как экоселения [Задорин и др., 2014]. Д. Элджин видел мотивом кардинальной смены привычного

образа жизни отказ от материализма и переориентацию на духовные искания [Elgin, 1981]. О. Виноградская выделила следующие предпосылки дауншифтинга: воля случая, вынужденное решение под влиянием обстоятельств, прагматический поступок, например переезд для организации коммерческой деятельности, личные убеждения, среди которых отдельно выделяется поиск себя и своего предназначения через одиночество [Виноградская, 2019]. Важность самоактуализации подчеркивала и Ю. Демидова, отмечая, что в сельской местности бывшие горожане находят занятие «по душе», исходя из своих интересов, и счастье для них не достигается за счет карьерного роста, как в городской модели жизни, а продиктовано свободой выбора [Демидова, 2018]. По мнению В. Мерзляковой, частой причиной предпочтения села в качестве постоянного места жительства выступает стремление избавиться от психологического давления, вызванного быстрым темпом городской жизни, и начать самостоятельно распоряжаться собственным временем [Мерзлякова, 2008]. Л. Козырева называла одной из целей переезда в село эскапизм – желание жить в удаленной местности, в замкнутом и обособленном сообществе [Козырева, 2014].

Отличие горожан, осознанно сделавших выбор в пользу сельской местности, от коренных жителей деревни отражает еще одно предложенное исследователями понятие – новые деревенские или новые сельские жители [Пивовар, Алексеев, 2018]. Переселенцам, как правило, трудно войти в местное сообщество, они образуют своеобразную диаспору и общаются преимущественно друг с другом [Нефедова и др., 2015]. Бывшие горожане сознательно выбирают сельскую местность для своей деятельности, которая может принимать как традиционные формы, так и предпринимательство в сфере рекреации, культуры и ремесла [Пивовар, Алексеев, 2018]. Однако попытки открыть собственное дело зачастую опираются на городские, нежели на местные связи [Нефедова и др., 2015]. Нередко именно городские жители привносят в сельскую местность новые смыслы и сохраняют существующие, с большим трепетом относятся к локальной идентичности того места, куда они переехали жить. Несмотря на попытки новых сельских жителей воспроизвести деревенские традиции, большинство местных встречает их с непониманием – сказывается несоответствие реалий сельской жизни и образа жизни на селе у горожан [Пивовар, Алексеев, 2018]. Данная особенность сельской модернизации при привлечении внешнего человеческого капитала соотносится с концепцией клеточной глобализации Покровского, так как новое и старое органично уживаются в сельской местности во многом за счет неравномер-

ного влияния новых сельских жителей [Покровский, 2016].

ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Уникальность Воскресенского округа. Воскресенский округ при значительной удаленности от Нижнего Новгорода концентрирует большое количество новых жителей, нетипичное для столь удаленного района. Его роль как центра притяжения новых сельских жителей обусловлена рядом особенностей:

1) демогеографическое и транспортно-географическое положение округа: относительная близость к крупному городу обуславливает как активное дачное освоение округа (округ играет роль «дальней» дачной зоны), так и привлекательность для новых сельских жителей;

2) привлекательность природного ландшафта: озеро Светлояр, пойма р. Ветлуги, лесные ландшафты притягивают людей, ищущих спокойное место для жизни или отдыха;

3) культурные особенности: озеро Светлояр занимает ключевое место в легенде о Китеже – святом городе, покоящемся на дне озера со времен Батыева нашествия. Важное значение играет и наследие старообрядцев, издревле поселившихся в этих местах.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Типология новых сельских жителей. Новые сельские жители – крайне неоднородная группа людей, разные представители которой по-разному взаимодействуют с окружающей средой. Различия в поведении и сфере деятельности во многом определены теми причинами, которые сподвигли их к переезду из города в село. В результате исследования было выделено пять групп новых сельских жителей по основной мотивации переезда. Основой типологии стала пирамида потребностей Маслоу (рис. 1, табл. 1): мотивация к переезду респондентов распределялась в соответствии с реализуемой ими базовой потребностью.

Для *первой группы* ключевой мотивацией является невозможность выжить, прокормить семью в городе. Наибольшее количество таких мигрантов попали в округ в 1990-е гг. Это достаточно разнородная группа, так как их первоначальная мотивация сменилась на мотивации более высоких уровней. Селились новые сельские жители относительно бессистемно: либо рядом с родственниками, либо в отдаленных деревнях со свободными домами. Тяжелые условия жизни и вовлеченность в сельское хозяйство сблизили их с местными жителями, но городской бэкграунд остался источником конфликтов: «Корову доят на несколько часов позже, чем это принято, думают по-другому».

Рис. 1. Группы новых сельских жителей Воскресенского округа. *Источник:* составлено авторами

Fig. 1. Groups of new rural residents of the Voskresensky district. *Source:* compiled by the authors

Главный мотив для переезда у *второй группы* – безопасность. Безопасность понимается очень широко: это и независимость от общегородской инфраструктуры, и желание обособиться от соседей по квартире, желание жить без стрессов и конфликтов. Идеологию этой группы наилучшим образом отражает поговорка «Мой дом – моя крепость». К этой группе относится большая часть переехавших в округ жителей Нижнего Новгорода. Представителей этой группы отличает разнообразие сфер занятости, развитие своего собственного дела и невысокая вовлеченность в проблемы местного сообщества. Для жизни они предпочитают небольшие населенные пункты, ключевым фактором является близость к реке или озеру, а барьерами – отсутствие свободных земель и газификации.

Представители *третьей группы* мечтают о признании, самоактуализации. Они наиболее ориентированы на взаимодействие с сельским сообществом и средой, значительную часть времени уделяют общественной, религиозной, эколого-просветительской деятельности. По основной специальности, как правило, они работают в бюджетных структурах, организуют вокруг себя заинтересованную часть местных и новых сельских жителей других типов. В результате формируются новые сообщества, как институционализированные (природный парк), так и неформальные (вокруг турбазы «Ветлуга»). Эти люди нередко подвергаются критике: «*Он хочет переделать людей под себя*».

Новые сельские жители из *четвертой группы* заинтересованы в творчестве и познании мира че-

рез него. Это свободные художники, музыканты и представители других творческих профессий, которые воспринимают окружающий мир и социум лишь как условия творчества. Они обычно ведут более замкнутый образ жизни, общаются преимущественно с такими же творческими людьми, а не с местным сообществом. Чаще они выбирают для жизни живописные места в долинах рек. Кроме того, их привлекает символический капитал Светлояра. Несмотря на то что в краткосрочной перспективе эффект от этой группы на сельскую местность невелик, в долгосрочной перспективе сформированный ими символический капитал может стать ресурсом развития округа.

Также выделяется *группа 0*, где мотивация переехать не связана с территорией переезда, а определена иными косвенными причинами: распределением на работу, уходом за родителями, женитьбой и т. д.

По мере усложнения мотиваций к переезду у новых сельских жителей усложняются и формы деятельности, которую они приносят в развитие округа: первые две группы чаще заняты в бюджетной сфере и сельском хозяйстве. Вторая группа чаще занимается высокодоходным сельским хозяйством (сыры, клубника), а также работает дистанционно. Третья группа занимается интеллектуальным трудом: образованием, управлением, созданием новых сообществ. Четвертая группа занимается творческой деятельностью. По мере роста потребностей растет и количество требований к территории. Задействуются все более специфичные ресурсы: для первых двух групп ключевым

ресурсом является свободная земля, но первой группе достаточно огорода, а вторая нередко требует больших площадей; запрос третьей группы – человеческий и символический капитал, на основе которого возможно дальнейшее развитие территории, а у четвертой – символический капитал в широком смысле этого слова, необходимый для вдохновения.

Таблица 1

Характеристики различных групп новых сельских жителей

	Группа 1 «Кризисные мигранты»	Группа 2 «Собственники»	Группа 3 «Активисты»	Группа 4 «Творцы»
Причины переезда	Необходимость выживать в кризисных условиях	Желание жить свободно и обособлено, иметь собственный дом и землю	Потребность в уважении сообщества, активной социальной деятельности	Самоактуализация и самопознание
География	Хаотичная	Долина Ветлуги, малые населенные пункты с хорошей транспортной доступностью	Владимирское, Нестиары, долина р. Ветлуги	Владимирское, долина р. Ветлуги
Условия переезда	Возможность вести ЛПХ, дешевизна жизни	Свободная земля, институты для развития собственного дела	Крупные населенные пункты с сообществом и возможностью реализоваться	Небольшие населенные пункты, объекты культурного и природного наследия
Барьеры	Стоимость земли и домов, отсутствие рабочих мест	Плохое качество инфраструктуры и институтов	Отторжение местного сообщества	Бедность символического капитала
Представители	Беженцы, малоимущие	Городской средний класс старше 40 лет	Активисты, в т. ч. религиозные	Члены творческих городских сообществ

История новых сельских жителей в Воскресенском округе. В истории освоения округа новыми сельскими жителями можно условно выделить четыре этапа (рис. 2). Первый этап (1991–1999) отличается глубоким кризисом как в городах, так и в сельской местности. В результате молодые люди до 30 лет (рис. 3), оставшиеся без перспектив и возможностей к существованию, нередко принимали импульсивные решения переехать. Количество таких «кризисных» мигрантов в округе невелико, в том числе и потому, что далеко не все осели на территории округа, а двинулись дальше. В этот период средний возраст нового сельского жителя не превышает 26 лет, а география неоднородна: Нижний Новгород даже не является лидером (рис. 4). На втором этапе (2000–2009) происходит накопление капиталов в городах. Выезд из города теряет свою привлекательность. Новых сельских жителей очень немного. Это обычно люди среднего возраста (старше 45 лет), которые уже «наработались». Эту группу можно охарактеризовать как предвестников субурбанизации: они в меньшей степени разрывают связи с городом, чем «кризисные» мигранты. Переезжают на небольшие расстояния только жители Нижнего Новгорода, добившиеся успехов в городе (менеджеры, художники).

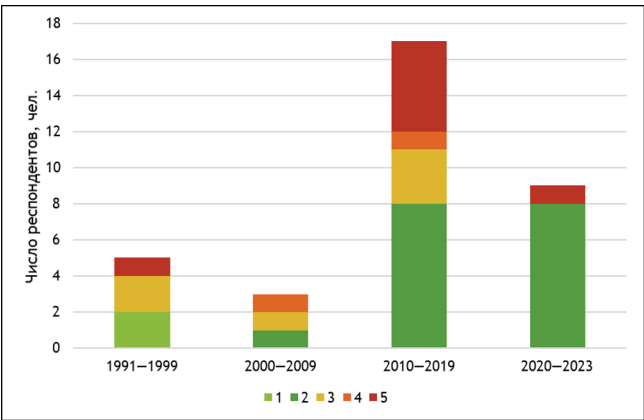

Рис. 2. Распределение новых сельских жителей по основной мотивации переезда: 1 – «кризисные» мигранты; 2 – собственники; 3 – активисты; 4 – творцы; 5 – иные мотивации. *Источник:* составлено авторами

Fig. 2. Distribution of new rural residents by the main motivation for moving home: 1 – crisis migrants; 2 – owners; 3 – activists; 4 – creators; 5 – other motivations. *Source:* compiled by the authors

После кризисов 2009 и 2014 гг. формируется третий этап, который можно охарактеризовать как раннюю субурбанизацию. Количество новых сельских жителей резко возрастает, появляются населенные пункты, где их воздействие вместе с дачниками ста-

новится критическим. В этот период дачи и дома в округе начинают покупать москвичи, а средний возраст релоканта снижается до 43 лет.

Совершенно новый этап начался в пандемию COVID: развитие дистанционных форм занятости, повышение качества дорог, строительство второго Борского моста привлекли в сельскую местность горожан от 30 до 40 лет с детьми, совмещающих городскую дистанционную занятость с работой на селе. При этом в год переезжает в 1,5 раза больше мигрантов, чем в предыдущий этап.

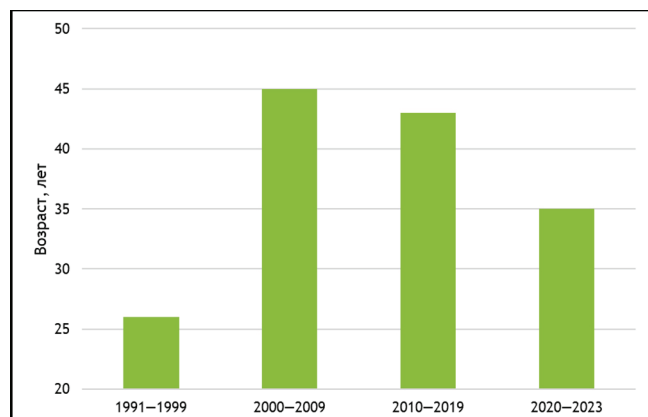

Рис. 3. Средний возраст новых сельских жителей в момент переезда. *Источник:* составлено авторами

Fig. 3. Average age of new rural residents at the time of moving home. *Source:* compiled by the authors

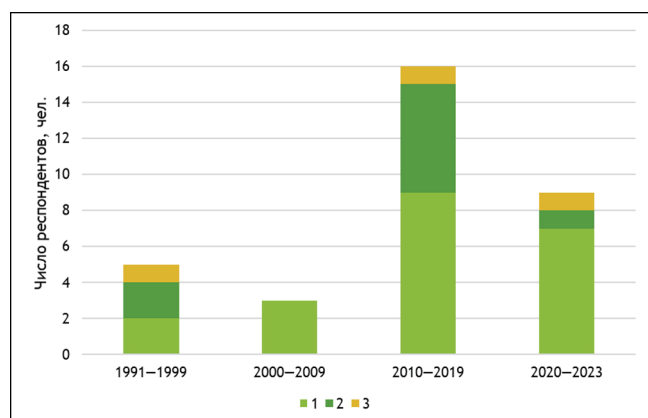

Рис. 4. Распределение новых сельских жителей по городам выезда: 1 – Нижний Новгород; 2 – Москва; 3 – иные. *Источник:* составлено авторами

Fig. 4. Distribution of new rural residents by cities of departure: 1 – Nizhny Novgorod; 2 – Moscow; 3 – other cities. *Source:* compiled by the authors

Новые сельские жители уже сейчас активно влияют на экономику округа, сельское хозяйство, туризм, социальную организацию СНП и даже меняют систему расселения.

Новые сельские жители и система расселения Воскресенского округа. Новые сельские жители оказали значительное влияние на сельское расселение округа. Система расселения Воскресенского округа – кустовая. Кусты деревень распространены на плакорах в местах с наилучшими почвами и вдоль реки, где можно было вести разнообразное хозяйство. Миграции населения, подчиненные центр-периферийным закономерностям, одинаково выражены как в плакорных населенных пунктах, так и в речных. Наиболее массовые группы новых сельских жителей тяготеют к реке Ветлуге и озеру Светлояр как к природным аттракторам и местам, накопившим наибольший символический капитал. В результате формируются значительные градиенты расселения при отдалении от Ветлуги: «У реки купить дом невозможно, а на соседней улице их уже продают за бесценок». Помимо прямого воздействия, новые сельские жители воздействуют на систему расселения и косвенно, создавая рабочие места и среду, привлекательную для местных жителей, формируют более стабильные социально-экономические условия в населенных пунктах, в которых они ведут свою деятельность. В Воскресенском это наиболее ярко выражено в деятельности туристических баз. Эффект туристической базы, а точнее влияние деятельности новых сельских жителей на социально-экономическое положение населенных пунктов, становится фактором изменения расселенческой картины. Население села Троицкого даже увеличилось из-за развития туристической базы «Серая лошадь».

В процессе исследования удалось выяснить, что новые сельские жители являются фактором привлечения себе подобных. Примером является село Трифакино, еще с 1980-х гг. (раньше всех остальных НП округа) осваиваемое новыми жителями (благодаря институциональным особенностям местного колхоза), наличие которых привлекало еще больше новых людей, как среди их знакомых, так и внешних по отношению к ним, для которых показательным становился опыт других новых сельских жителей. Благодаря такому процессу в Трифакино произошло полное замещение местного населения новым. Произошло это, с одной стороны, из-за сокращения сети социальной инфраструктуры, а с другой – из-за удачного ландшафтного положения на высоком берегу реки Ветлуги. Важно также и возникновение особого сообщества вокруг местной туристической базы, способствующее переезду людей, связанных с ним. Система расселения округа стратифицируется в силу неравномерного расселения «колонистов». Отмирание традиционных деревень происходит по всей территории округа, но вблизи природных аттракторов население замещается, и формируется новая деревня с сообществами нового типа.

Роль новых сельских жителей в современном аграрном облике Воскресенского округа. Первые десятилетия после распада Советского Союза решающую роль в сельском хозяйстве Воскресенского округа играли сельскохозяйственные производственные кооперативы – прямые наследники государственных коллективных хозяйств. К середине 2000-х гг. произошло значительное сокращение масштабов сельскохозяйственного производства в округе, прежде всего из-за низкой конкурентоспособности большинства сельскохозяйственных организаций, обусловленной рядом причин: обилие старых и ветхих фондов, устаревшие технологии выращивания и кормления животных, а также отсутствие значительных оборотных средств на обновление техники и внедрение новых зоотехнических и агрономических приемов работы. Другой проблемой сельскохозяйственных предприятий до сих пор является наличие в собственности значительных площадей залежных земель, сильно запущенных и уже заросших молодым лесом и кустарником.

Вместе с тем сельское хозяйство округа стало приобретать новый облик в середине 2010-х гг., благодаря возникновению хозяйств, основанных новыми сельскими жителями. Эти хозяйства можно условно разделить на два типа: семейные производства, представленные малыми формами хозяйствования, и мелкие сельскохозяйственные предприятия. Развиваются новые, нетипичные для Нечерноземья отрасли растениеводства (выращивание клубники в открытом грунте) и грибоводства (промышленная культивация шампиньонов). Такой выбор специализации обусловлен как отсутствием крупных конкурентов-производителей, так и относительной дешевизной земли. Также новые сельские жители, сформировавшие капитал за пределами сельского хозяйства, способны создать новые современные основные фонды, что не только делает их более конкурентоспособными, но и позволяет усложнить производственные цепочки: продавать не многолетние травы и молоко, а твердые сыры.

В первой четверти XX в. создатель теории трудового крестьянского хозяйства А.В. Чаянов писал: «Крестьянское хозяйство [в своей деятельности] руководствуется преимущественно не стяжательскими мотивами», т. е. в основе существования такого семейного производства лежит не стремление к обогащению и накоплению капитала, а желание поддержать существующий образ жизни [Чаянов, 1989]. На данном этапе семейные фермы также являются в большей степени способом жизни, чем бизнесом.

Резидентальная стратификация и социальная организация новых сельских жителей. Организация социальной жизни новых сельских

жителей также имеет свою специфику. Значимыми факторами здесь выступают резидентальная стратификация¹ и стигматизация нерезидентальных групп – новых сельских жителей и дачников. Представители последних в беседе эмоционально обозначали неприятие и закрытость коренных местных жителей по отношению к себе, даже по прошествии более 20 лет с момента переезда: *«Места здесь такие, что осторожно смотрят, кто ты такой. Вот мы живем с 1996 года, и нас за местных не принимают. А есть люди, которые очень агрессивно относятся до сих пор. Люди, которых я даже не знаю, оказывается: вон, он такой-то такой-то сказал то-то и то-то, а я его даже не встречал ни разу...»* (священнослужитель и его жена, 50 лет). *«Лет десять ты все это собираешь, остальные лет десять ты на этом живешь. Я думал там года три, пять... Нет. Лет десять. И если позволить себе какую-то ерунду и местные увидят, то еще лет десять, заново»* (священнослужитель, 50 лет).

Стигматизация по резидентальному признаку проявляется в отсутствии коммуникации и взаимопомощи, неучастии в проектах и праздниках горожан (в т. ч. нежелание работать «на городских» в сельском хозяйстве), распространении сплетен (умножении числа субъектов стигматизации), в отдельных случаях – в угрозах и артикулируемой агрессии: *«Ты скажи, чтобы мы его здесь не видели. Мы тебя предупредили»* (со слов местных жителей). Одна из причин этих имплицитных конфликтов – различия в образе жизни и видении будущего села, следствие – ограниченность круга общения новых сельских жителей, прежде всего, другими такими же, а также коллегами по работе / досуговой активности и ближайшими соседями: *«Наша лучшая подружка – в прошлом научный работник, на пенсии, очень интеллигентная... Она общается только с ближайшей соседкой через огород, местной, ну и с тоже приехавшей. Ну, теперь и с нами. Она говорит: я даже в магазин не люблю ходить! Ее тут обижали так...»* (новая сельская жительница, попадья, 50 лет).

¹ В основе резидентальной (от лат. resident – проживающий) дифференциации лежит разделение социальных групп по срокам проживания в стране (регионе, городе и т. д.). Здесь место человека в социальной структуре, его принадлежность той или иной резидентальной группе определяется количеством лет, которые он сам (первичная резидентность) или поколения его предков (вторичная резидентность) прожили на территории данного сообщества. Таким образом, срок проживания выступает критерием конституирования социальных тождеств и различий, разделяя «коренных» и «пришлых», старожилов и новоприбывших, потомков первопоселенцев и потомков недавних иммигрантов, т. е. резидентные и нерезидентные группы [Вахштайн, 2003].

Отметим, однако, что в обоих резидентных стратах встречаются «исключения» из описанных характеристик, но они весьма редки и не способны принципиально изменить ситуацию. Описанные взаимоотношения между пришлым и коренным населением фиксируются повсеместно и приводят к стратификации, формируя локальные сообщества «городских» в населенных пунктах с их наибольшей концентрацией. Хотя круги общения новых сельских жителей при этом не лимитируются границами села, наиболее плотные и сильные связи, приводящие к формированию полноценных локальных сообществ, возникают в двух случаях: вокруг личности и вокруг организации и ее деятельности.

Так, в селе Нестиары (окраина округа, отсутствие туристов, наибольшие темпы депопуляции) сообщество формировалось вокруг личности священнослужителя, отправленного туда епархией и начавшего активную богослужебную и гражданскую деятельность. Последняя направлена на вовлечение в церковную и общественную жизнь детей и молодежи. Для помощи в осуществлении этих проектов, общения со священнослужителем и духовного роста за несколько лет в село переехало четыре городских семьи. Они включились в работу с детьми и подростками и способствовали более активной коммуникации, в т. ч. с коренными жителями села: *«Он очень много делает для детей, привлекает все больше не какими-то поучениями, как наши батюшки. Он нас не ругает, и мы тянемся к нему»* (местная жительница, 40 лет). Специфика локального сообщества села – значимость религиозной составляющей в повседневной жизни, ядро из молодых людей, моноцентричность структуры сообщества.

Локальное сообщество села Трифакино (полупериферия округа, аттракторы – историко-культурный объект и база отдыха, депопуляция коренных жителей) также завязано на личность, но значительно более обширно и сложно устроено: *«Здесь сложился целый клан. Целая прослойка людей, которые преданы этому миру, преданы какой-то такой вольности и свободе, которые уже в обычном социуме не выживают, ибо здесь получили некоторую прививку других отношений»* (дачница, 60 лет). Данное сообщество сложилось вокруг базы отдыха, состоит исключительно из новых сельских жителей (и частично дачников) и взаимодействует с коренными жителями от случая к случаю, помогая «местным бабушкам» и не подчиняясь сельским порядкам: *«Они как всегда в противофазе с местными, но все же не ссорятся, им бойкота не объявляют»* (дачница, 60 лет). Интенсивность конфликта снижается и в силу того, что в селе Трифакино местных практи-

чески не осталось, а соседние населенные пункты также постепенно замещают население. Частично данное сообщество пересекается с другой социальной группой – паломниками и прихожанами местного храма, объединяемыми на основе связей со священнослужителем. Сообщество имеет сложную внутреннюю иерархию: *«Микросоциум имеет слои. Первый слой – переехавшие. <...> Второй слой – поколение их детей, детей друзей и бывших отдыхающих. Они «пацут», но интересы свои, тусовка своя, все свое, молодежное. <...> Есть прослойка старых близких друзей. У (этой) третьей прослойки общие интересы с первой. Единственное, в чем интересы расходятся, – в том, что они продолжают жить и работать в городе, а мы уже переехали. Всех их мы знаем»* (новый сельский житель из первого слоя, 60 лет). Дети продолжают дело родителей, сообщество расширяется (весь «микросоциум» – порядка 70 человек) до сих пор при сохранении ядра из хозяев базы и их ближайшего окружения. Сообщество активно участвует в развитии села и работе базы отдыха, имеет совместный досуг, *«реализуя те свои таланты, которые не смогли бы раскрыть в городе»* (новый сельский житель из первого слоя, 60 лет). Одно из проявлений последнего – театр, реализующий творческий потенциал новых сельских жителей, и разнообразный сельский досуг.

В то же время в округе существует несколько организаций и профессиональных сообществ, занимающихся охраной природы, сохранением и восстановлением историко-культурного наследия, развитием туризма, активизмом. Их костяк (~10 человек) составляют поддерживающие тесный контакт друг с другом новые сельские жители, объединившие усилия вокруг общей идеи и видения будущего округа. Внутри этого сообщества существуют как вертикальные, так и горизонтальные связи, однако при общении с местными жителями нередко отсутствует взаимопонимание: *«Местное население совсем не заинтересовано в развитии туризма здесь, даже если это принесет им доход»* (член организации, новый сельский житель, 55 лет). Разное видение будущего округа у приезжих активистов и коренных жителей, недостаток общения и дискуссий приводит к более медленному продвижению проектов организаций, пассивному участию в мероприятиях / их бойкотированию со стороны коренных жителей и усугублению резидентальной стратификации: *«Многие непонимания в острой фазе совершенно, когда сидят рядом два человека, которые любят Владимирское и Светлояр, и считают друг про друга, что тут все неправильно, и лучше бы тебя не было в этом селе... Это в основном местные и приезжие»* (член организации, новый сельский житель, 30 лет).

Помимо профессиональной деятельности часть данного сообщества продвигает политику иммиграционного туризма – привлечения большего числа «городских» в сельскую местность, так как «новых таких активных людей еще человек 20 сюда привези – и будут кардинальные изменения» (член организации, новый сельский житель, 50 лет). Один из реализованных проектов – производственная практика для студентов одного из крупнейших аграрных вузов страны в Воскресенский округ, целью которой было показать местных фермеров и подготовить не работников сельскохозяйственных организаций, а сельских предпринимателей. Как результат – четыре студента из 15 приняли решение о переезде в округ.

Социальные конфликты в Воскресенском округе. Высокая привлекательность округа для новых сельских жителей, формирование здесь новых сообществ не может не привести к возникновению социальных конфликтов. Причем возникают как конфликты с коренными местными жителями, так и между различными сообществами новых сельских жителей.

Причин возникновения конфликтов между новыми жителями сел множество, но глобально можно выделить два основных фактора их зарождения: 1) распоряжение символическими и природными ресурсами территории и 2) различия в видении будущего села и округа в целом.

В первом случае речь идет преимущественно о Светлояре. Вера в сакральность, загадочность и сверхъестественные свойства формирует туристический поток на Светлояр, который приводит к развитию сферы обслуживания. Однако основными выгодоприобретателями оказываются новые сельские жители: они создают этот туристический поток, популяризируя и рекламируя это место, они обслуживают туристов, они пользуются символическим и природным капиталом озера и получают заработок. Местные жители же считают себя обделенными, а к развитию туризма относятся негативно. Рост потока уже оказывает негативное влияние на местных жителей с. Владимирское: они вынуждены отказаться от традиции празднования дня села в день празднования Владимирской иконы Божией Матери, так как именно в этот день множество паломников приезжают на озеро за «благодатью». Возникает недопонимание и на фоне недостаточного уважения к сакральности Светлояра (*«Загорают в плавках там, где мы крестным ходом ходим»*), – одна из местных жительниц с. Владимирское). Данные разночтения приводят к недопониманию между сообществами коренных местных и новых сельских жителей: пока одни сетуют на пассивность

местных в деле охраны Светлояра, другие просто не верят в то, что состоящие преимущественно из приезжих органы могут инициировать какие-либо позитивные изменения.

Вторым источником конфликтов является вопрос о видении будущего округа. Глубинная причина возникновения таких противоречий лежит в различных социально-демографических процессах, происходящих в селе и городе. Из города в село приезжают люди с более высоким уровнем потребностей, наиболее активные из них становятся сельскими активистами и выступают с инициативами, в то время как в сельской местности идет обратный процесс: сельчане, мечтающие о большем, покидают село, остаются те, кого устраивает их образ жизни. В результате формируется небольшое сообщество активистов из числа новых сельских жителей, которые пытаются перестроить сельскую местность под себя, реализовать свои потребности в просвещении, творчестве, общении. Большинство из числа коренных местных не понимают этих потребностей. Связующее звено между ними – активные коренные жители – крайне невелико, а потому контакты между приезжими и местными остаются редкими.

Не менее значимы конфликты в среде новых сельских жителей. Почвой для них чаще всего выступает вопрос о направлении развития округа, что связано с противоположностью взглядов активистов на эту проблему. Здесь надо учитывать, что новые сельские жители – это неоднородная группа, они неравномерно расселены по округу и формируют ряд сообществ разного уровня закрытости (табл. 2). Центрами сообществ обычно являются организации: туристические базы «Ветлуга» и «Серая лошадь», церковные приходы и бюджетные организации. Организации создают возможность для периодических взаимодействий, а заведующие ими активные новые сельские жители являются ядром кристаллизации для разнородного сообщества новых сельских.

Точно определить «агентов» и «контрагентов» в конфликтах этих сообществ нельзя, их позиции по отношению к различным акторам, действующим в округе, различны, выделить четкие контуры конфликтов сложно. В то же время, проведение фокус-группы с представителями этих сообществ показало существование проблемы коммуникации между сообществами и согласования их инициатив между собой.

Стоит также отметить, что сообщества имеют свои зоны влияния (рис. 5). На рисунке можно заметить два основных центра концентрации интересов сообществ: р. п. Воскресенское и с. Владимирское. Воскресенское в данном случае играет роль узла,

где пересекаются интересы нескольких сообществ, что связано с его административным статусом. Владимирское служит местом концентрации раз-

личных сообществ в силу стабильного притока новых сельских жителей, вызванного расположением здесь оз. Светлояр².

Таблица 2

Сообщества новых сельских жителей в Воскресенском округе

Сообщество	Центр концентрации	Особенности, объединяющие черты
Трифакинское	Клуб художников на т/б «Трифакينو»	Сообщество творческих людей (преимущественно поэтов и художников) из числа нижегородской интеллигенции
Троицкое	Конный клуб «Серая лошадь» с. Троицкое, с. Благовещенское	Сообщество новых и коренных жителей с. Троицкое, занятых в работе конного клуба; активность распространяется преимущественно на окрестные села
Богородско-Воскресенское	Православный приход с. Богородское, природный парк «Воскресенское Поветлужье», АНО «ПОРТ» и Администрация Воскресенского МО, р. п. Воскресенское	Одно из наиболее активных сообществ, состоит преимущественно из муниципальных служащих, сотрудников бюджетных учреждений, наиболее включено в работу системы местного самоуправления
Нестиарское	Православный приход с. Нестиары	Религиозное сообщество, собранное вокруг прихода, активность преимущественно внутри села
Владимирские сообщества	Оз. Светлояр, МТК «Град Китеж», с. Владимирское	Группа разрозненных сообществ «новых сельских», проживающих в с. Владимирское и окрестностях. Концентрируются вокруг Светлояра как сакрального места

Источник: составлено авторами.

Ключевой причиной конфликтов в округе можно считать недостаток договороспособности акторов (как новых сельских, так и коренных местных жителей) и проблемы с коммуникацией между ними. Именно налаживание коммуникаций поможет нивелировать конфликты или снизить их интенсивность.

ВЫВОДЫ

Новые сельские жители оказывают ключевое воздействие на современное развитие полупериферийного нечерноземного округа сразу по нескольким причинам.

Во-первых, с опытом жизни в городе, они имеют больший объем потребностей, который планируют реализовать на территории проживания. Нынешнее положение дел их не устраивает, а потому они стремятся к преобразованию среды. Большая часть новых сельских жителей ограничивается облагораживанием своего участка, решением проблемы отопления, водоснабжения, благоустройства. А наиболее активные в рамках своей экономической и культурной деятельности участвуют в трансформации сел и даже округа в целом.

² Стоит, однако, отметить, что не все новые сельские жители Владимирского входят в какие-либо сообщества, а также фактор различной связи их с уже сформированными сообществами.

Во-вторых, накопленные в городе капиталы и навыки, свобода от традиционных устоев, более широкие горизонты планирования и уровень образования, умение работать с рисками и привлекать заемные средства и гранты делают активных новых сельских жителей не просто более продвинутыми экономическими акторами, но и проводниками инноваций в сельской местности. Именно по этой причине их занятость концентрируется в несвойственных традиционной сельской местности секторах: агротуризм, сельский туризм, сфера услуг, а также в нетрадиционных направлениях сельского хозяйства: клубника, грибы, высококачественные сыры.

Разные группы новых сельских жителей предъявляют к территории иные требования, чем местные: наибольшее значение играет привлекательность ландшафта, символический капитал территории и избыток свободных площадей для экономической деятельности. Факторы, формировавшие систему расселения, уходят в прошлое, а население стягивается к наиболее привлекательным объектам: реке Ветлуге, озерам Светлояр и Нестиары. Таким образом, происходит постепенная поляризация системы расселения: отмирание плакорных деревень и перерождение и даже рост деревень вблизи Ветлуги и Светлояра.

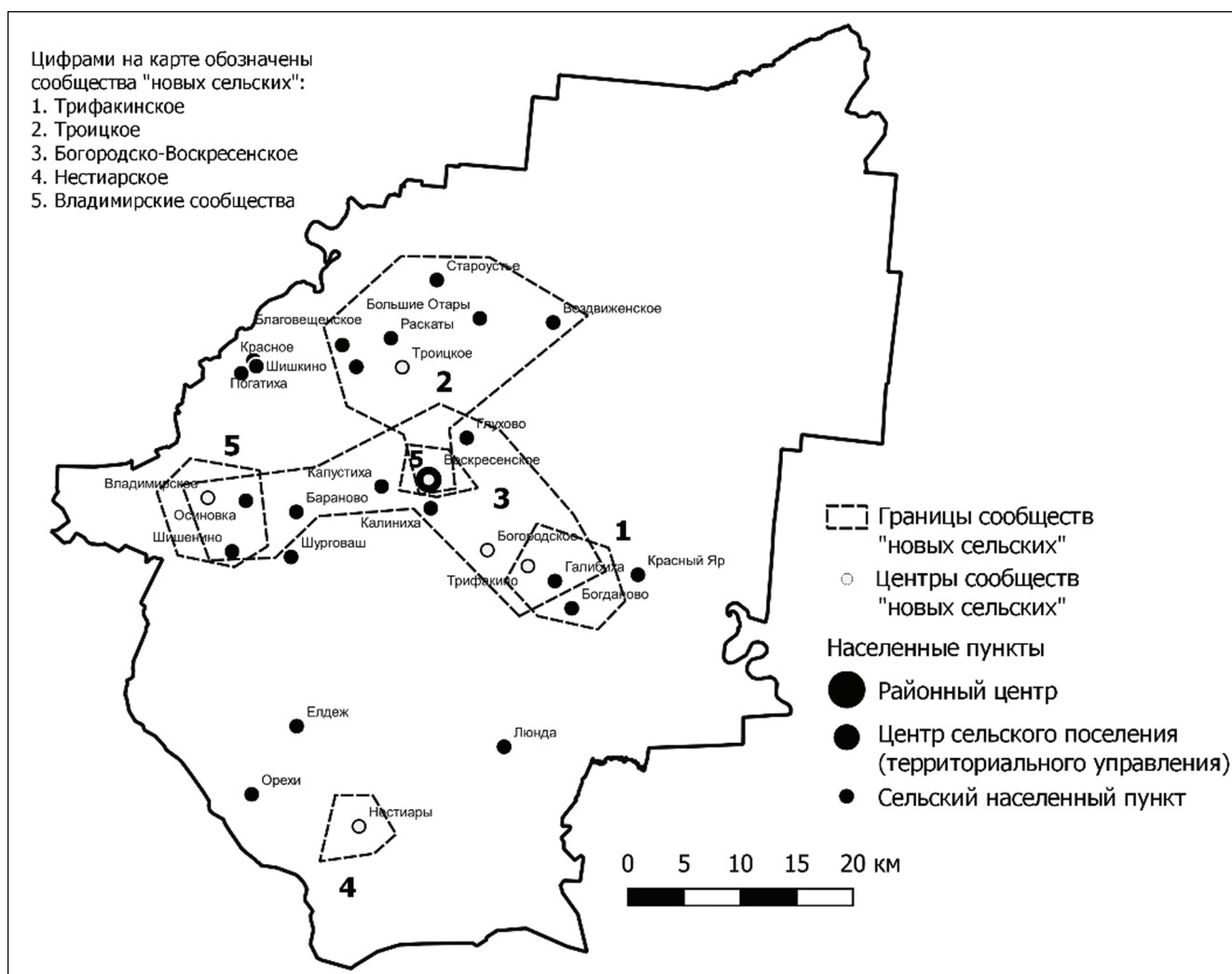

Рис. 5. Пространственное распространение локальных сообществ новых сельских жителей.

Источник: оставлено авторами

Fig. 5. Spatial distribution of local communities of new rural residents. Compiled by the authors

Трансформация самих сельских населенных пунктов округа также происходит достаточно интенсивно. Можно выделить три основных варианта этих трансформаций:

1. Полное замещение. Свойственно малым населенным пунктам в долине Ветлуги, которые активно депопулируют и наполняются совершенно новыми жителями. В них формируются квазигородские сообщества приезжих.

2. Конфликтное сосуществование. Взаимодействие местных и приезжих сведено к минимуму и сопряжено в основном с конфликтами по поводу использования ресурсов территории. Распространено во Владимирском и живых селах Поветлужья.

3. Полная деградация населенных пунктов с минимальным влиянием новых сельских жителей. Чаще всего малые деревни вдали от долины Ветлуги отмирают полностью, а территории зарастают лесом. Новые сельские жители оказываются на этих территориях редко. Чаще всего их интересом

являются освободившиеся дешевые земельные ресурсы, которые выгодны для предпринимательства. В данном случае сельское сообщество постепенно полностью отмирает и замещается одним или несколькими фермерскими хуторами.

Но возможен также и пока не встречающийся вариант сотрудничества и взаимобмена. Нежелание выходить за рамки собственных групп общения и интересов этих групп, нежелание искать компромисс свойственно как местным жителям, так и приезжим. В приоритете у большинства – жить как удобно. Практики соучаствующего проектирования, вовлечения активных местных (школьников, работников сферы культуры) не распространены и носят эпизодический характер, нежелание искать компромиссы вкупе с недостаточностью ресурсов ограничивают развитие территории.

Эффект от деятельности новых сельских жителей ограничен: практически не происходит передачи знаний и навыков местным жителям, вовлече-

ние их в деятельность невелико, а упор делается на привлечение в округ новых мигрантов из городов. Многие новые сельские жители общаются исключительно в своей среде, формируя своеобразную диаспору. Более того, часто в отношении к местным проявляется колониальный дискурс: они неправильны и примитивны, и их необходимо переделывать, «чтобы нам было комфортно». В то же время наблюдается двойное отношение к деятельности новых сельских жителей со стороны селян: низкий уровень доверия и травматичность самого процесса передачи собственности, а также низкая интенсивность социальных контактов между приезжими и местными приводит к тому, что деятельный человек из города априори воспринимается

как вредный и опасный: устраиваться к нему на работу считается чем-то неприличным. Наименее подвержены подобному поведению школьники, но мало кто из молодых остается в сельской местности после школы, что ведет к сохранению непонимания между местными и приезжими. Если же сравнивать, например, новых сельских жителей Воскресенского округа и муниципалитетов Калининградской области, для которых тоже характерны активные миграции из городов в сельскую местность, то, несмотря на большую социальную активность новых сельских жителей Воскресенского округа, их способность налаживать связи с местными пока недостаточна для интенсивного развития территории.

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 24-17-00107 «Малые города и сельские населенные пункты в системе расселения регионов России (1989–2021)».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.И., Данилова И.А., Зубаревич Н.В., Никулин Е.И. Современные переселения город – село в Нечерноземной зоне РСФСР (опыт изучения на примере Вологодской области) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 1979. № 1. С. 55–61.
- Вахитайн В.С. К проблеме темпоральных механизмов социальной организации пространства. Анализ резидентальной дифференциации // Социологическое обозрение. 2003. № 3. С. 71 – 83.
- Виноградская О.Я. Отчего горожане едут в деревню: феноменология и практика // Крестьяноведение. 2019. Т. 4. № 3. С. 140–155.
- Демидова Ю.А. Феномен дауншифтинга в России на примере внегородской среды Ближнего Севера (по материалам экспедиций Костромской области Мантуровского района сельского поселения Леонтьевское) // Социологический ежегодник. 2018. С. 165–174.
- Задорин И., Мальцева Д., Хомякова А. и др. Альтернативные сельские поселения в России: стихийная внутренняя эмиграция или осознанный трансфер в будущее // Лабиринт. 2014. № 2. С. 64–77.
- Ильин В.И. Дауншифтинг как восходящая социальная мобильность // Socio Time/Социальное время. 2015. № 1. С. 78–89.
- Козырева Л.В. Феномен эскапизма: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2014.
- Лисова Е.В. Дауншифтинг: стратификационные эффекты // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 2. С. 56–65.
- Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.
- Мерзлякова В.Н. Альтернативные модели успешности в современной культуре: дауншифтинг // Вестник общественного мнения. 2008. № 4(96). С. 33–42.
- Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 60–69.
- Пивовар Г.А., Алексеев А.И. Сельско-городские взаимосвязи на границе с Московской агломерацией // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2018. № 6. С. 100–103.
- Покровский Н.Е., Макишанчикова А.Ю., Никишин Е.А. Обратная миграция в условиях пандемического кризиса: внегородские пространства России как ресурс адаптации // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 54–64.
- Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: избр. тр. М.: Экономика, 1989. 492 с.
- Berry B. The counterurbanization process: urban America since 1970, *Urban Affairs Annual Reviews*, 1976, no. 11, p. 17.
- Elgin D. Voluntary simplicity: Toward a way of life that is outwardly simple, inwardly rich, New York, 1981.
- Mitchell C. Making sense of counterurbanization, *Journal of rural studies*, 2004, no. 5, p. 27.

Поступила в редакцию 11.10.2023

После доработки 15.11.2023

Принята к публикации 04.12.2023

NEW RURAL RESIDENTS AND FORMS OF THEIR TERRITORIAL ORGANIZATION IN THE VOSKRESENSKY DISTRICT OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION

O.D. Krutov¹, N.K. Grelya², A.A. Veprickij³, Ya.K. Kuksin⁴, G.A. Nazarenko⁵, O.E. Prusihin⁶, P.A. Shirokova⁷, Yu.L. Kruze⁸, A.I. Alekseev⁹

^{1-7,9} Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Department of Economic and Social Geography of Russia

⁸ Nizhny Novgorod State University of architecture and engineering, Faculty of Architecture and Design, Department of Cultural Studies

¹ Master student; e-mail: bigoleg911@yandex.ru

² Postgraduate student; e-mail: ngrelya.mkrko@mail.ru

³ Master student; e-mail: evgeni777.78@mail.ru

⁴ Student; e-mail: yaza.kuksin@gmail.com

⁵ Student; e-mail: nga-02@mail.ru

⁶ Master student; e-mail: olegprus2000@mail.ru

⁷ Master in Urban Studies; e-mail: polina.a.shirokova@gmail.com

⁸ Associate Professor, Ph.D. in Law; e-mail: julia.kruze@tm-service.ooo

⁹ Professor, D.Sc. in Geography; e-mail: alival@mail.ru

The article examines the influence of “new rural residents” – immigrants from Nizhny Novgorod and Moscow, on a semi-peripheral district of the Non-Chernozem Region, as well as the transformation of its economy and society in connection with population replacement. Issues related to the territorial heterogeneity of the “new rural” influence are also considered. The research site, i.e. the Voskresensky district of the Nizhny Novgorod region is located 145 kilometers north of the city of Nizhny Novgorod. The presence of unique natural and symbolic resources, such as the Svetloyar Lake and the Vetluga River, attracts migrants from the large cities here. Research methods included in-depth and expert interviews, focus groups, participant observation and strategic sessions with local residents. The analysis of obtained data resulted in a typology of “new rural” residents, each type producing a different impact on the surrounding space. Key transformations of the lifestyle associated with the “new rural” are identified, namely new non-traditional types of agriculture, formation of “urban type” leisure, development of rural tourism by new-comers, complete replacement of the population in the most attractive settlements for city residents, as well as the emergence of associations of new-comers both territorial, and communities of “interests”. Key social conflicts were also identified among the new-comers and between them and indigenous residents, which limit the possibilities for development of the territory.

Keywords: deurbanization, residential stratification, post-Soviet transformations, rural areas

Acknowledgments. The study was financially supported by the Russian Science Foundation, project 24-17-00107 “Small towns and rural settlements in the settlement system of Russian regions” (1989–2021).

REFERENCES

- Alekseev A.I., Danilova I.A., Zubarevich N.V., Nikulin E.I. Sovremennye pereseleniya gorod – selo v Nechernozemnoj zone RSFSR (opyt izucheniya na primere Vologodskoj oblasti) [Modern rural-urban migrations in Non-Chernozem zone of the RSFSR], *Vestn. Mosk. un-ta, ser. 5, Geogr.*, no. 1, 1979, p. 55–61. (In Russian)
- Berry B. The counterurbanization process: urban America since 1970, *Urban Affairs Annual Reviews*, 1976, no. 11, p. 17.
- Chayanov A.V. *Krest'yanskoe hozyajstvo: Izbrannye Trudy* [Peasant household: selected works], L.I. Abalkin (ed.), Moscow, Ekonomika Publ., 1989, 492 p. (In Russian)
- Demidova Yu.A. Fenomen daunshiftinga v Rossii na primere vnegorodskoj sredy Blizhnego Severa (po materialam ekspeditsij Kostromskoj oblasti Manturovskogo rajona sel'skogo poseleniya Leont'evskoe) [Phenomenon of downshifting in Russia: a case study of out-of-town surroundings in Near North (based on materials from expedition in Leont'evskoe Rural Settlement, Manturovo District, Kostroma Region)], *Sociologicheskij ezhegodnik*, 2018, p. 165–174. (In Russian)
- Elgin D. *Voluntary simplicity: Toward a way of life that is outwardly simple, inwardly rich*, New York, Morrow Publ., 1981.
- Il'in V.I. Daunshifting kak voskhodyashchaya social'naya mobil'nost' [Downshifting as an ascending social mobility], *Socio Time/Social'noe vremya*, 2015, no. 1, p. 78–89. (In Russian)
- Kozyreva L.V. *Fenomen eskapizma: social'no-filosofskij analiz* [Phenomenon of escapism: a socio-philosophic analysis], Extended Abstract of Ph.D. Thesis in Philosophy, Ufa, 2014, 19 p. (In Russian)
- Lisova E.V. Daunshifting: stratifikacionnye efekty [Downshifting: stratification effects], *Ekonomicheskaya sociologiya*, vol. 9, no. 2, 2008, p. 56–65. (In Russian)
- Mezhdum domom... i domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobil'nost' naseleniya Rossii* [Between home... and home. Return spatial mobility of the Russian population]

- lation], T.G. Nefedova, K.V. Averkieva, A.G. Mahrova (eds.), Moscow, Novyj hronograf Publ., 2016, 504 p. (In Russian)
- Merzlyakova V.N. Al'ternativnye modeli uspehnosti v sovremennoj kul'ture: daunshifting [Alternative models of success in modern culture: downshifting], *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, 2008, no. 4(96), p. 33–42. (In Russian)
- Mitchell C. Making sense of counterurbanization, *Journal of rural studies*, no. 5, 2004, p. 27.
- Nefedova T.G., Pokrovskij N.E., Trejvish A.I. Urbanizaciya, dezurbanizaciya i sel'sko-gorodskie soobshchestva v usloviyah rosta gorizontal'noj mobil'nosti [Urbanization, deurbanization and rural-urban communities in conditions of horizontal mobility growth], *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 12, 2015, p. 60–69. (In Russian)
- Pivovarov G.A., Alekseev A.I. Sel'sko-gorodskie vzaimosvyazi na granice s Moskovskoj aglomeraciej [Rural-urban interconnections on the border of the Moscow agglomeration], *Vestn. Mosk. un-ta, ser. 5, Geogr.*, no. 6, 2018, p. 100–103. (In Russian)
- Pokrovskij N.E., Makshanchikova A.Yu., Nikishin E.A. Obratnaya migraciya v usloviyah pandemicheskogo krizisa: vnegorodskie prostranstva Rossii kak resurs adaptacii [Return migration during the pandemic crisis: out-of-town territories of Russia as a resource for adaptation], *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 12, 2020, p. 54–64. (In Russian)
- Vahshtajn V.S. K probleme temporal'nyh mekhanizmov social'noj organizacii prostranstva. Analiz rezidental'noj differenciacii [To problem of temporal mechanisms of social organization of space. Analysis of residential differentiation], *Sociologicheskoe obozrenie*, no. 3, 2003, p. 71–83. (In Russian)
- Vinogradskaya O.Ya. Otchego gorozhane edut v derevnyu: fenomenologiya i praktika [Why city dwellers go to the country: phenomenology and practice], *Krest'yanovedenie*, vol. 4, no. 3, 2019, p. 140–155. (In Russian)
- Zadorin I., Mal'ceva D., Homyakova A., Shubina L. Al'ternativnye sel'skie poseleniya v Rossii: stihijnaya vnutrennyaya emigraciya ili osoznannyj transfer v budushchee [Alternative rural settlements in Russia: a spontaneous internal emigration or deliberate transfer to the future], *Labirint*, no. 2, 2014, p. 64–77. (In Russian)

Received 11.10.2023

Revised 15.11.2023

Accepted 04.12.2023